№ 2. 6-ое ЯНВАРЯ 1878 ГОДА. ГОДЪ XX.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Цѣна отдѣльному № 15 коп.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Покровка, Машковъ пер., д. Миллера. Каждая перемѣна адреса 20 коп., при этомъ отъ иногородняго нужно представить прежній печатный адресъ.

Объявленія принимаются съ платою по 15 коп. за строку, или за квадратный дюймъ.

Ночь на новый годъ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ КОМЕДІЯ.

(Окончаніе).

(*Прозаикъ и Поэтъ входятъ, шумно споря*).

Прозаикъ. ...Въ поэзіи нѣтъ свободнаго творчества.

Поэтъ. Вздоръ! Поэзія имѣетъ своимъ началомъ «вдохновеніе», которое не можетъ быть связано никакими словіями...

Прозаикъ. Я и не говорю, что «вдохновеніе» стѣняется какими нибудь условіями, а признаю несвободной обственно «поэзію».

Поэтъ. Я не понимаю васъ.

Прозаикъ. Вообразите, что «вдохновеніе» внушило амъ чортову пропасть замѣчательныхъ идей, изъ котоыхъ вы желаете составить одну обворожительную поэтическую картину. Вы принимаетесь за дѣло—и тотъсъ же наталкиваетесь на различныя условія рифмоаннаго труда, которыя *подчиняютъ* васъ общимъ праиламъ и порядку изложенія—и тѣмъ такъ уродуютъ аше вдохновеніе, что изъ обворожительной картины, ывшей передъ вашими глазами, является на свѣтъ ожій отвратительно нарисованная каррикатура. Такъ дѣ же тутъ свобода творчества?

Поэтъ. Ваши слова справедливы *относительно.*

Прозаикъ. Позвольте. Вѣдь мы говоримъ о поэзіи астоящаго времени?

Поэтъ. *О поэтахъ* настоящаго времени и о поэзіи обще.

Прозаикъ. Въ такомъ случаѣ, слова мои, примѣняемыя *поэзіи вообще*, имѣютъ справедливость *относительно:* къ поэтамъ же настоящаго времени они справедивы безусловно.

Поэтъ. Слѣдовательно и мои произведенія идутъ подъ же мѣрку?

Прозаикъ. На этотъ разъ нѣтъ исключенія.

Поэтъ. Хорошъ! А еще товарищъ.

Прозаикъ. Успокойтесь. *Въ безднѣ бездарности* вы е-таки поэтъ первой величины.

Поэтъ. И эти слова произносите вы!... Вы, вы, корый еще въ прошломъ году занялъ у меня сорокъ опеекъ—и до сего дня не можетъ возвратить ихъ...

Прозаикъ. Не горячитесь. Выраженіе мое основ... вторитетныхъ мнѣніяхъ. (*В...* ...*патью г-на Кошелев*... ...*го Времени»*, и ...ерли, слыш...

штрихи и высѣчки, если и не безсмысленные, то мало животворные»...

Поэтъ. Вретъ! Положительно вретъ!

Прозаикъ. Позвольте. (*Продолжаетъ читать*): «Теперь во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного геніальнаго поэта, музыканта, живописца или ваятеля: *словно изсякла въ людяхъ струя творчества*». Ну, какъ же послѣ этого не «бездна бездарности»!

Поэтъ. Презрѣнный прозаикъ!

Прозаикъ. Кто? Я или Кошелевъ?

Поэтъ. Оба!

Прозаикъ (*горячась*) Ахъ, ты ничтожество!

Поэтъ. Врешь! (*Злобно, но торжественно*):

«Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ»...

Прозаикъ. Ахъ, ты сосулька эдакая!... (*Передразнивая*) «Для звуковъ сладкихъ и молитвъ»... для пьянства развѣ, а то для «звуковъ», да еще «сладкихъ»... Фистула противная!

Поэтъ (*съ бѣшенствомъ*). Негодяй! «Прелюбодѣй мысли!» (*Оба принимаютъ угрожающее другъ другу положеніе*).

Мефистофель (*становясь между Поэтомъ и Прозаикомъ*). «Увы! писать для публики, для свѣта
Удѣлъ не русскаго поэта»...

Поэтъ (*радостно*). Что правда, то правда!

Мефистофель (*показывая рукой на Прозаика*).

«Природа мать! когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни»...

Прозаикъ (*самодовольно*). Этимъ выраженіемъ Некрасовъ не сдѣлалъ ошибки. (*Мефистофелю*) Вы, какъ я замѣчаю, англичанинъ?

Мефистофель. Да.

Поэтъ. О! я уважаю родину Шекспира, Байрона, Диккенса, Макол...

Прозаикъ (*перебивая*). Сосулька! не кощунствуй!

Поэтъ (*хочетъ сказать «крѣпкое слово», но Мефистофель поспѣшно отводитъ его въ сторону и тихо разговариваетъ съ нимъ*).

Прозаикъ (*про себя*). Какая противная рожа у этого англичанина... Какъ будто бы я его гдѣ-то на картин-

Прозаикъ (*смущенно*). Я... я... ничего... Сдѣлайте одолженіе... Говорите...

Мефистофель. Мѣсто дуэли—въ рощѣ, за городомъ, оружіе—пистолеты, время—самое начало новаго года, т. е. 12 часовъ ночи. Честь имѣю свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. (*Уходитъ вмѣстѣ съ Поэтомъ*).

Прозаикъ (*одинъ*). Фю, Фю, фю-ю-ю-ю! Дѣло-то не хвали!... (*Садится на стулъ и задумывается. Входитъ Адвокатъ, останавливается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей и пристально, что-то соображая, смотритъ на Прозаика. Молчаніе*).

Адвокатъ (*про себя*). Какъ крѣпко задумался этотъ господинъ. Должно быть въ Окружный тянутъ... (*Громко кашляетъ и шаркаетъ ногами*) Молчитъ и головы не поднимаетъ... Значитъ «безъ смягчающихъ обстоятельствъ». Надо ловить. (*Быстро подходитъ къ Прозаику*). Милостивый государь! Милостивый государь!

Прозаикъ (*изумленно*). Что?... Что вамъ угодно?

Адвокатъ. Вредно такъ задумываться.

Прозаикъ. Вы это изъ сочувствія говорите, или такъ просто, изъ любопытства?

Адвокатъ. Въ настоящую минуту изъ сочувствія.

Прозаикъ. А иногда вы продѣлываете эти штуки и изъ любопытства?

Адвокатъ. Какія это штуки?

Прозаикъ. А вотъ такія, какъ теперь: надоѣдаете ближнему своему и, можетъ быть, желаете и скота его, и раба его...

Адвокатъ. Я бываю иногда другомъ человѣка, къ которому не чувствую не только никакой дружбы, но даже и простаго расположенія, и на оборотъ: бываю врагомъ тому, кого готовъ бы любить и уважать. Въ такихъ грустныхъ противорѣчіяхъ заключается вся суть моей профессіи.

Прозаикъ. А, догадываюсь: вы чортъ!

Адвокатъ. Ошиблись, милостивый государь: я адвокатъ.

Прозаикъ. Это почти одно и тоже... Такъ что же вамъ отъ меня угодно, г. адвокатъ?

Адвокатъ. Признаюсь вамъ откровенно: мнѣ бы хотѣлось знать, о чемъ вы сейчасъ такъ глубоко думали? Спѣшу добавить, что моя нескромность искупается искренностію сочувствія, съ желаніемъ, если возможно, оказать вамъ добрую и безкорыстную услугу.

Прозаикъ. Однимъ словомъ, на сей разъ вамъ нравится быть не врагомъ, а другомъ. Похвальное желаніе! Посмотримъ, насколько вы способны быть Орестомъ, когда я превращусь въ Пилада... Задумался я, *другъ мой*, о жизни и смерти...

Адвокатъ. Э, э, э! Пифъ-пафъ! желаете?

Прозаикъ. Ни «пифа», ни «пафа» не желаю, милостивый государь...

Адвокатъ. Какимъ же способомъ думаете прекратить свое существованіе?

Прозаикъ. Какой чортъ сказалъ вамъ, что я желаю прекратить свое существованіе? Я не хочу умирать ни какимъ способомъ—я хочу жить!... Про меня и г. Некрасовъ сказалъ, что если бы природа не посылала міру такихъ людей, какъ я, тогда заглохла бы нива жизни. Вонъ оно что!... И вдругъ меня, такъ сказать, оплодотворителя нивы жизни, хотятъ подстрѣлить какъ глупую птицу...

Адвокатъ. А, а, а! понимаю... И вѣроятно съ корыстной цѣлью и съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ.

Прозаикъ. У васъ въ головѣ-то, я вижу, «сводъ». Темно, значитъ, потому вы и не понимаете, что я говорю. Я получилъ вызовъ... не въ судъ, а на дуэль.

Адвокатъ (*оживляясь*). Уголовное дѣло!... Дуэли запрещены и строго преслѣдуются. Надо сообщить кому слѣдуетъ... Кто васъ вызвалъ? (*Вбѣгаетъ Мефистофель, превратившійся въ еврея-подрядчика*).

Мефистофель (*бѣгаетъ кругомъ сцены, колотитъ себя въ грудь и неистово кричитъ*). Погибъ! Положительно погибъ!

Адвокатъ и Прозаикъ. Что съ вами? Что съ вами?

Мефистофель. Сострадательные господа! Выслушайте печальную повѣсть дней моихъ... Я подрядчикъ арміи. Несчастный подрядчикъ!... Меня обвиняютъ въ умышленной поставкѣ гнилыхъ продуктовъ, съ цѣлью незаконной наживы... и въ тысячѣ другихъ неблаговидныхъ дѣлахъ... Меня отдали подъ судъ—и теперь угрожают Сибирью, каторжными работами, рѣчью прокурора, ошибками защиты и цѣлымъ фіаломъ египетскихъ карательныхъ мѣръ... Спасите!... Я не пожалѣю наградъ моему избавителю.

Адвокатъ (*сіяя, какъ электрическое солнце на Дунаѣ*). Не была ли у васъ еще какая нибудь мельница?

Мефистофель (*отчаянно*). Была, была—но сгорѣла!.. и теперь, въ числѣ другихъ бѣдъ, меня обвиняютъ въ поджогѣ моей мельницы, моей крылатой кормилицы.. О-о-о!...

Адвокатъ (*въ сторону*). Вотъ это дѣльце, такъ дѣльце... дуракъ я буду, если пропущу его мимо рукъ.. (*Мефистофелю*). Милостивый Государь! Я защитникъ невинныхъ, угнетенныхъ и оскорбленныхъ... Я адвокатъ,— и принимаю ваше дѣло подъ знамя моего краснорѣчія!

Мефистофель (*бросаясь на шею адвокату*). Благодѣтель!... Отецъ нынѣшняго вѣка!... Не оставь. Милліон не пожалѣю.

Адвокатъ (*выростая съ Коломенскую версту*). Успокойтесь, успокойтесь! Все дѣло поправимъ, лишь бы он находилось въ однѣхъ моихъ рукахъ.

Мефистофель. Кромѣ васъ—никто! Идемте скорѣй въ мою квартиру. Я остановился на «Ярмаркѣ тщеславія» въ домѣ одного благочестиваго жида. Я передамъ вам всю суть моего нещастія, а вы облагодѣтельствуйте мен. вашими условіями.

Адвокатъ (*Поспѣшно*). Такъ, такъ. Идемъ, идемъ!

Прозаикъ (*мрачно*). А я то какъ же?

Адвокатъ (*съ улыбкой сожалѣнія*). Извините. Здѣсь дѣло поважнѣе. (*Уходитъ вмѣстѣ съ Мефистофелемъ*)

Прозаикъ. Пойду къ Краевскому — погадаю. Онъ на бобахъ отлично предсказываетъ. (*Уходитъ*).

(*Залъ наполняется прохожими всѣхъ странъ. Въ густой толпѣ народа видѣнъ «Публицистъ XIX вѣка»*).

Публицистъ. Какая огромная масса людей!... И людей всѣхъ странъ. Прекрасный случай сказать рѣчь... (*Становится на стулъ*). Господа! (*Публика группируется около оратора*). Господа! прошу вашего вниманія... (*Публика, по возможности, востановляетъ тишину*). Господа! Я намѣренъ поговорить съ вами о настоящихъ политическихъ дѣлахъ Европы! (*Публика напрягаетъ слухъ и зрѣніе. Тишина полнѣйшая*). Милостивые Государи! Я возбудилъ ваше вниманіе политическими дѣлами Европы, т. е. обѣщаніемъ поговорить съ вами о различныхъ дѣлахъ, хранящихся въ ридикюлѣ беззубой, но похотливой старухи, теперь же объявляю вамъ, что «политика» не входитъ въ программу моей публичной бесѣды.

Голосъ изъ толпы. Ахъ ты шаромыжникъ!

Публицистъ. Это восклицаніе не заслуживаетъ моего вниманія; тѣмъ болѣе я оставлю его безъ возраженія, что отвѣчать на неприличныя выходки толпы не входитъ, наравнѣ съ политическими вопросами, въ программу моей публичной бесѣды... И такъ къ дѣлу. Милостивые государи! На дняхъ, мой знаменитый товарищъ, г. Суворинъ, сказалъ, что нашъ русскій либерализмъ «*нѣчто*, не знающее ни мѣры, ни времени, ни вѣса...» Такъ ли это?

Голоса изъ толпы. Бей его!

Публицистъ (*радостно*). О, я зналъ, что не ошибусь въ духѣ нашего народа! Я зналъ, что вы заставите меня *избить* несправедливое и оскорбительное мнѣніе о тѣхъ началахъ благовоспитаннаго либерализма, которыя въ такихъ гуманныхъ и рыцарскихъ формахъ, начинаютъ появляться въ нашемъ обществѣ...

Голоса изъ толпы. Что онъ тутъ городитъ! Бей его, братцы!... Гони этого шаромыжника вонъ!...

Публицистъ (*въ сильномъ смущеніи*). Какъ!... Меня?...

Голоса изъ толпы. Что тутъ толковать: гони его!...

(*Толпа стремительно бросается на оратора, стаскиваетъ его со стула и гонитъ вонъ*).

Публицистъ. А вѣдь Суворинъ-то правду сказалъ... (*Быстро скрывается за кулисами, толпа бѣжитъ за нимъ. На опустѣвшую сцену входитъ Мефистофель*).

Мефистофель (*съ досадой*). Съ этимъ глупымъ народомъ ничего не подѣлаешь. И сколько разъ я училъ этого дурака, какъ говорить публичныя рѣчи... Нѣтъ, не послушался... Вообразилъ себя Брутомъ передъ римлянами, вотъ и вздули!... Скверно. (*Влетаетъ Мрачный Духъ, служитель Мефистофеля*). Что скажешь?

Мрачный Духъ. Народная рѣзня во Франціи — не удалась!

Мефистофель. Какъ? Развѣ «Честный Солдатъ» не послушался моего совѣта?

Мрачный Духъ. Не въ томъ дѣло. Палата вотировала не весь бюджетъ и «честный солдатъ», очутившись въ рукахъ республиканцевъ, не могъ написать Дюфору такого же письма, какимъ онъ угостилъ Жюль-Симона.

Мефистофель (*яростно*). Опять неудача!... Неужели этотъ народъ сталъ болѣе думать?

Мрачный Духъ. Нужда всему научитъ.

Мефистофель. Пожалуй, что и такъ. (*Задумывается*).

Мрачный Духъ. Теперь куда мнѣ отправляться?

Мефистофель. Лети въ Англію: возбуждай ее къ войнѣ.

Мрачный Духъ. Напрасный трудъ! Англія осталась одна и безъ союзниковъ врядъ ли начнетъ войну. Да и народъ не хочетъ драться за турокъ.

Мефистофель. Опять народъ! Лети въ Турцію, тамъ нѣтъ народу, тамъ одни паши; сѣй между ними сѣмяна раздора.

Мрачный Духъ. Это можно. (*Исчезаетъ*).

Мефистофель. Давно ли я говорилъ себѣ: «счастливая ночь!...» «пріятно встрѣчу новый годъ...» и что же теперь! Вижу, что мое вліяніе на людей падаетъ годъ отъ году и день ото дня... Неужели во всемъ будетъ такъ? (*Входитъ Идеалистъ*).

Мефистофель. Что я вижу!... (*Сурово*). Зачѣмъ ты, призракъ, бродишь здѣсь?

Идеалистъ. Что это вы, съ ума сошли! Какой же я призракъ?... Не узнали.

Мефистофель (*изумленно*). Такъ вы не застрѣлились?

Идеалистъ (*съ улыбкой, потирая руки*). Отдумалъ, батюшка, отдумалъ!...

Мефистофель. Какъ же это... у Достоевскаго были?

Идеалистъ. Былъ.

Мефистофель. Далъ онъ вамъ «формулу»?

Идеалистъ. Нѣтъ, не далъ.

Мефистофель. Почему?

Идеалистъ. Я, говоритъ, съ этой формулой-то чуть бѣды не нажилъ... Ну васъ, говоритъ.

Мефистофель. Что же вы теперь будете дѣлать?

Идеалистъ (*Самодовольно*). Жить да поживать—дѣточекъ наживать.

Мефистофель. Не понимаю.

Идеалистъ. Идеалъ нашелъ, государь мой!... Жениться хочу.

Мефистофель. Что я слышу!

Идеалистъ. Еще то ли услышите, милостивый государь!... (*Умиленно и съ растановкой*). Какія наливки умѣетъ созидать будущая жена моя! Пальчики оближешь... А на счетъ приданаго: свой домикъ на Выборгской... лавочку открою... «бакалею» заведу... Да это еще не все. *Наклоняется къ уху Мефистофеля, но тѣмъ не менѣе кричитъ во все горло*). Ко-ро-ву имѣетъ!

Мефистофель (*внѣ себя отъ ярости*). Ничтожный червь земли!

Идеалистъ (*машетъ рукой*). Ладно, толкуй!... Такъ-то лучше будетъ... (*Входятъ Поэтъ и Прозаикъ*).

Мефистофель. И эти живы!...

Прозаикъ (*радостно*). Какъ видите: живы и здоровы, и вамъ того же желаемъ.

Поэтъ. «Блаженъ незлобивый поэтъ!...»

Мефистофель. Такъ вы и не стрѣлялись?

Прозаикъ. Зачѣмъ рисковать жизнью, этимъ священнымъ даромъ небесъ? Мы помирились и сдѣлались друзьями.

Мефистофель. Неудача за неудачей!

(*Слышенъ отдаленный гулъ голосовъ и крики «ура». Чрезъ нѣсколько минутъ огромная толпа народу, съ радостными восклицаніями, вноситъ въ залу торжествующаго «Публициста», который, сидя на поднятыхъ къ верху рукахъ, четырехъ дюжихъ молодцовъ, кажется какой-то задорной маріонеткой уличнаго театра*).

Мефистофель (*толпѣ*). За что этому человѣку такія почести?

Голоса изъ толпы. Обѣщался не врать... Покаялся, значитъ... вотъ и ублажаемъ.

Мефистофель. Скоро собственныя силы мои обрушатся на меня.

Адвокатъ (*выбѣгая изъ боковыхъ дверей залы*). Скрылся, мошенникъ, скрылся!... Мельница, говоритъ, сгорѣла... Подлецъ!... (*Увидя Мефистофеля*). А-а-а! вы здѣсь!... (*Бросается на Мефистофеля, тотъ быстро поднимается на воздухъ и улетаетъ. Бьетъ 12 час. ночи*).

Всѣ. Съ новымъ годомъ!

Енпе.

Разсказъ

о томъ, какъ его степенство Спиридонъ Петровичъ рядился на святкахъ.

Самый развалъ московскихъ святокъ. Двери кабаковъ, тилиликая блоками, поминутно отворяются и захлопываются съ тупымъ стукомъ. На улицахъ виднѣются личности, стремящіяся къ капищамъ Бахуса. То рваная чуйка, заполучившая, ради святокъ, пятакъ съ добродателя, подергивая плечами, перебѣжитъ улицу, съ выразительнымъ кряканьемъ толкнетъ бокомъ дверь храма милаго божка и исчезнетъ за нею. То, выслужившее двѣ вторительныя службы и помертвѣвшее въ наружной обстановкѣ пальто, корчась и ежась, торопливо двигается по тротуару, шмыгая дырявой обувью, дрожащею рукой отворитъ дверь кабака, остановится на мгновеніе на порогѣ, какъ бы прислушиваясь къ радостному тилиликанью блока, и тоже скрывается за гостепріимною дверью. Иногда протянется по улицѣ, окруженная городовыми, толпа вчерашнихъ гулякъ, подобранныхъ заботливою полиціей и разводимыхъ къ своимъ пенатамъ. Тамъ и тутъ слышатся пѣсни, гремятъ бубенчиками борзыя тройки, мчатся лихачи извощики и городовые заботливо поглядываютъ по сторонамъ, смотря, нѣтъ ли гдѣ нарушенія «общественной благопристойности». Все напоминаетъ о чемъ-то,—все говоритъ, что Москва гуляетъ.

Въ дальнихъ переулкахъ Замоскворѣчья совсѣмъ другое дѣло. Нѣтъ тамъ этой суетни, нѣтъ крика и шума, присущихъ центру города, изрѣдка промчится на лихачѣ ухарь купчикъ, вырвавшійся изъ подъ надзора родительскаго, кучеръ, сидящій у воротъ, тиликаетъ на гармоникѣ, да подгулявшій фабричный тянетъ безтолково одинокую пѣсню. Время около трехъ часовъ, всѣ пообѣдали и предаются отдохновенію, всюду тишина и спокойствіе. Спитъ все и въ домѣ московскаго коммерсанта Спиридона Петровича, спитъ и онъ самъ. Спитъ Спиридонъ Петровичъ удивительнымъ образомъ, настолько удивительнымъ, что трудно опредѣлить, когда болѣе замѣтно присутствіе его въ семействѣ, когда онъ спитъ или когда бодрствуетъ. Скажу одно, что сонъ его степенства бываетъ слышенъ отъ парадной передней до чернаго хода, отъ чердака до подвала. Домашніе къ этому привыкли, но случайный посѣтитель съ недоумѣніемъ

оглядывался бы вокругъ, слыша то басистое ого-го-го, то неровное и-гли-гли-гли, прерываемыя громогласными кхо-о, кха-а. Особенно сильно Спиридонъ Петровичъ распространялъ эти звуки послѣ сильнаго подпитія. Въ этотъ день Спиридонъ Петровичъ, какъ говорится, здорово урѣзалъ за обѣдомъ, а потому удивительно громогласно, часа два, выводилъ свое ого-го-го-го, и-гли-гли-гли-гли, кхоо, кхаа! Вдругъ онъ замолкъ, открылъ глаза, остановивъ безсмысленный взглядъ на стѣнѣ, отеръ вспотѣвшій лобъ и перевернулся на спину, издавъ звукъ, подобный тому, какой производятъ дроваколы, всаживая топоръ въ толстое полѣно.

— Матрена Семеновна! крикнулъ онъ.

Отвѣта не было.

— Треша! громче крикнулъ Спиридонъ Петровичъ.

Въ спальную вошла жена.

— Который часъ?

— Четвертый.

— Дакась кваску.

Испивъ кваску, Спиридонъ Петровичъ поднялся и отправился въ столовую къ чаю. Чаепитіемъ изъ всего семейства занимались только двое — самъ Спиридонъ Петровичъ и жена; два сына отсутствовали, вѣроятно справляя святки въ Стрѣльнѣ, а дочь гостила у подруги.

— Ты-ись эти святки — бѣда чистая, говорилъ Спиридонъ Петровичъ, накалывая щипчиками сахаръ.

— Что за бѣда? освѣдомилась супруга.

— Будь мущиной — узнаешь. Почесь кажныя сутки два раза пьянъ, разя это не бѣда?

— Вольно-жъ.

— Вольно-жъ! Кажинный человѣкъ обчественное приличіе понимать должонъ. Таперь гость ко мнѣ пріѣзжаетъ, должонъ я пить съ имъ, ай нѣтъ? А ежели, примѣрно, въ его четверть влѣзетъ, разя сообразишь... а отстать никакъ невозможно, потому — приличіе...

Матрена Семеновна ничего не отвѣтила и супруги принялись за чай.

— Треша! вдругъ сказалъ Спиридонъ Петровичъ, — поѣдемъ нынче къ куму, къ Егоръ Сигнѣичу?

— Нѣтъ, протянула супруга.

— Нѣтъ, квашня-сударыня! А я, братъ, поѣду.

— На чемъ поѣдешь-то? кучера-то чай со двора отпустилъ.

— Это не суть важно, — на извощикѣ поѣду.

Принявъ такое рѣшеніе, Спиридонъ Петровичъ, попивъ чайку, отправился одѣваться.

Во время чаепитія «самихъ», двое молодыхъ прикащиковъ Спиридона Петровича, сидя въ молодцовской, вели разговоръ такого рода:

— Слышь, Микифоръ, давай нынче рядиться, говорилъ одинъ.

— Рядиться? Самъ те такъ нарядитъ, что своихъ не узнаешь, засмѣялся другой.

— Что же — «самъ», развѣ самъ узнаетъ. Давай, Микиша, нарядимся, а?

— Развѣ вотъ что, Сеня: нарядиться да къ подоплекинскимъ молодцамъ сходить...

— Одно дѣло, не дома сидѣть будемъ. Самого Подоплекина дома чай нѣтъ, значитъ вали!

— Надоть у самого со двора проситься.

— Такъ что жь? онъ гляди зайдетъ сюда, ну и спросимся.

Спиридонъ Петровичъ дѣйствительно зашелъ въ молодцовскую, отпустилъ прикащиковъ и уѣхалъ.

— Ну, какъ же мы съ тобой рядиться будемъ? спрашивалъ Никифоръ.

— Э! Есть чего думать! весело крикнулъ Семенъ, — я, братъ, все обдумалъ. Красная рубаха и все такое у меня есть, бороду я, братецъ, ахтительную въ табачной лавкѣ приспособилъ. Смотри-кася, — говоря это, Семенъ досталъ изъ сундука и показалъ товарищу чудовищное подобіе черной бороды съ усами. — Поддевку синюю у кучера выпросимъ, — продолжалъ онъ, — стало быть я наряжусь разбойникомъ.

— Ну, а я-то какъ же? спросилъ Никифоръ.

— А ты, Микиша... нарядись ты... старцемъ, странникомъ што ли какимъ, сѣрый армякъ и синюю рубаху у дворника возьми, бороду изъ пакли сдѣлаемъ; по осени конюшню конопатили, такъ пакли стрась сколько осталось, палку въ руки возьми и важно.

Прикащики выпили по двѣ, по три рюмочки и принялись рядиться.

— Косарь, братъ, мнѣ за поясъ-то не заткнуть ли? говорилъ Семенъ, одѣвшись «разбойникомъ» и вертясь самодовольно передъ зеркаломъ.

— Ну его, потеряешь еще, аль стукнешь кого...

— И то дѣло.

Ряженые отправились и, пройдя два-три переулка, вошли въ ворота дома купца Подоплекина.

—

Спиридону Петровичу ѣхать къ куму Егору Евстигнѣевичу приходилось почти что черезъ всю Москву. По дорогѣ встрѣтилъ онъ одного сосѣда по лавкѣ. Поздоровались и зашли въ трактиръ. Посидѣвъ съ пріятелемъ въ трактирѣ и соблюдъ «приличіе», то-есть, выпивъ довольно изрядно, Спиридонъ Петровичъ пустился къ куму въ самомъ радужномъ настроеніи духа. На одной изъ улицъ въ центрѣ города вниманіе его привлекла вывѣска, гласящая, что здѣсь «отпускаются на прокатъ костюмы, домино и маски».

«Разя во што,—подумалъ Спиридонъ Петровичъ,—справить святки какъ слѣдовательно, нарядиться да испужать кума, шутку сшутить съ имъ. Въ самомъ дѣлѣ такъ», рѣшилъ онъ и, остановивъ возницу, вошелъ въ магазинъ и спросилъ костюмъ.

— Какой вамъ угодно? спросили его?

— Какой ни на-есь, все равно, лишь бы позабористѣй.

— У насъ разные есть, выбирайте любой.

— Да одно слово позабористѣй; мнѣ, видите ли, напужать пріятеля надоть.

— Ну вотъ возьмите чорта.

— Ну его къ лѣшему! Грѣхъ небось чортомъ-то рядиться; нѣтъ, вы што нибудь, тово, пособразнѣй, штобы, значитъ, и напужать, и не грѣшно особенно было.

— Нарядитесь туркомъ.

— Туркой? И въ самомъ дѣлѣ, давай турку, только штобы, значитъ, поужаснѣе, этакъ баши-бузукомъ што ли, и сабля штобы была.

— Хорошо-съ.

Скоро Спиридонъ Петровичъ одѣтъ былъ такъ, что самый заправскій турокъ, при встрѣчѣ съ нимъ, ни мало бы не усумнился, что имѣетъ дѣло съ настоящимъ правовѣрнымъ османлисомъ. Кромѣ полнаго турецкаго костюма съ фальшивыми кинжаломъ и ятаганами, на его жиденькую бороденку налѣплена была густая сѣдая борода съ такими же усами, не забыты были и сѣдыя брови, и въ довершеніе на голову надѣтъ былъ густо намотанный тюрбанъ.

— Какъ же я таперь въ этомъ колпакѣ поѣду? спрашивалъ Спиридонъ Петровичъ, любуясь на себя въ зеркало и указывая на тюрбанъ.

— Вы его снимите поѣзжайте въ своей шапкѣ, а пріѣдете куда, надѣнете.

— Дѣло.

Обѣщавъ на другой день прислать костюмъ и взять оставленный свой костюмъ и справившись, крѣпки ли въ костюмѣ карманы и не потеряетъ ли онъ бумажника, Спиридонъ Петровичъ отправился къ куму, держа подъ полою шубы толсто скрученный тюрбанъ.

Позвонивъ у подъѣзда кума, Спиридонъ Петровичъ, снявъ шапку, надѣлъ тюрбанъ и распахнулъ шубу; отворившая ему молоденькая горничная ахнула и оторопѣла, но, вспомнивъ святочное время, сейчасъ же разсмѣялась и пропустила импровизированнаго османлиса, рѣшая про себя: кто бы это могъ быть? Снявъ въ передней шубу, Спиридонъ Петровичъ, важной поступью и страшно ворочая глазами, вошелъ въ комнаты. Куча дѣтей, игравшихъ въ залѣ, при видѣ его съ визгомъ и шумомъ, какъ горохъ разсыпались въ разныя стороны. Нѣкоторыя благоразсудили даже заревѣть. Привлеченная шумомъ, вышла въ залу хозяйка и, испустивъ беззвучное ахъ! остановилась у двери, вытаращивъ удивленные глаза. Вышелъ и кумъ и, скорчивъ строгую мину, сурово смотрѣлъ на посѣтителя.

А Спиридонъ Петровичъ, подперши руки въ боки и откинувшись немного назадъ, гордо стоялъ посреди залы. Пораженіе было полное и онъ любовался произведеннымъ имъ эффектомъ.

— Гмъ, гмъ! наконецъ громко крякнулъ Спиридонъ Петровичъ, сдвинувъ брови.

— Да будя, говори, кто такой, улыбнулся кумъ.

— Гмъ, гмъ! повторилъ Спиридонъ Петровичъ.

— Кумъ! Спиридонъ Петровичъ! Да неужто это ты?! Ахъ, волкъ-те заѣшь! А! Гляди, какую Плевну выкинулъ, а!—говорилъ Егоръ Евстигнѣичъ, здороваясь съ другомъ.

— Ха, ха, ха! што? напужался? смѣялся Спиридонъ Петровичъ, входя съ хозяевами въ гостинную.

— Пужаться-то чего, а только диву дался,—кто бы молъ это такой, а только на тебя, ей-ей, и мысли не было.

— А я такъ признаться обомлѣла съ первоначалу-то, призналась хозяйка.

— Ну-кось, прикажи-ка намъ закусочку сготовить, обратился хозяинъ къ женѣ.

Подана была закуска, за которою пріятели порядкомъ таки поусердствовали. Но Спиридонъ Петровичъ не былъ удовлетворенъ. Ему было скучно, моментъ эффекта прошелъ и костюмъ его уже не производилъ впечатлѣнія. Сидя съ пріятелемъ, онъ рѣшалъ вопросъ: куда бы ему пуститься, гдѣ можно застать гостей, гдѣ костюмъ его имѣлъ бы болѣе значенія. Наконецъ исходъ былъ найденъ: Спиридонъ Петровичъ рѣшилъ ѣхать къ одному знакомому купцу, жившему довольно открыто и весело и у котораго по этому онъ разсчитывалъ встрѣчить гостей, и сталъ прощаться. Кумъ долго упрашивалъ друга посидѣть еще хоть часочекъ, но Спиридонъ Петровичъ остаться не пожелалъ и уѣхалъ. На грѣхъ у знакомаго ни его самого, ни жены Спиридонъ Петровичъ не засталъ дома.

— Эхъ ты, канальство какое! ворчалъ онъ, стоя у саней своего возницы,—куда жь бы таперя? Стой,—рѣшилъ онъ,—поѣду къ Силантію Кузьмичу, покрайности и отъ дома близко,—и, сѣвъ въ сани, приказалъ ѣхать за Москву рѣку.

Селантія Кузьмича Спиридонъ Петровичъ засталъ, но гостей у него не было. Это обстоятельство не помѣшало однако пріятелямъ спросить закусочку и приступить къ ней съ достодолжнымъ стараніемъ.

Никифоръ и Семенъ прикащики Спиридона Петровича, явившись въ молодцовскую Подоплекина, застали тамъ

цѣлую компанію. По примѣру ихъ нарядились кто во что пришлось и другіе, и ряженые цѣлой толпой отправились по Замоскворѣчью, спрашивая въ каждомъ домѣ: «пускаютъ ли ряженыхъ?» Во многихъ домахъ имъ отказывали, но во многихъ и принимали. Пріемы понятно не обходились безъ угощенія, и къ ночи герои наши были уже достаточно урѣзавши. Пора было расходиться по домамъ, вся компанія расплылась кто куда, и часу во второмъ ночи Семенъ и Никифоръ возвращались домой, вполнѣ довольные проведеннымъ вечеромъ и изрѣдка пошатываясь.

Только что они поровнялись съ домомъ Силантія Кузьмича, какъ оттуда вышла фигура, за которую тотчасъ захлопнулась калитка.

— Щто за люди? громко крикнула фигура.

— Я разбойникъ Стенька Разинъ, дикимъ голосомъ крикнулъ Семенъ,—сорынь на кичку!

— А-а! протянулъ Спиридонъ Петровичъ и проворно снявъ шапку, надѣлъ тюрбанъ.—Молчать! крикнулъ онъ,—сдавайся!

— Турка! крикнулъ Никифоръ.

— Турка, подхватилъ Семенъ, подходя къ хозяину,—я те сейчасъ въ полонъ возьму, какъ ты можешь въ этакое время туркой рядиться, а?

Но османлисъ отпустилъ ловкаго тумака Стенькѣ Разину.

— А, ты вотъ какъ! крикнулъ тотъ, отпуская въ свою очередь тумака хозяину.

Началась общая ожесточенная потасовка, противники дрались какъ одурѣлые. Вдругъ Семену удалось какъ-то сдернуть съ турка бороду и, узнавъ «самого», онъ какъ шальной бросился бѣжать и скрылся за угломъ, Никифоръ ударился за нимъ.

— А, канальи! я васъ! Расшибу! кричалъ имъ вслѣдъ Спиридонъ Петровичъ и началъ отыскивать шапку. Но вмѣсто шапки попался ему подъ руку смятый тюрбанъ, надѣвъ который на бекрень, купчина, пошатываясь и ворча приличныя случаю выраженія, отправился домой. Можно вообразить себѣ удивленіе горничной, увидавшей своего хозяина въ какомъ-то странномъ колпакѣ, въ красныхъ штанахъ и прочемъ не подобающемъ ему одѣяніи. Снявъ съ Спиридона Петровича шубу, горничная едва удержалась отъ смѣха и долго смотрѣла ему вслѣдъ, когда онъ со свѣчей въ рукѣ, пошатываясь и шурша красными штанами, пробирался по комнатамъ въ спальную. Матрена Семеновна, увидавъ передъ собой съ просонья турку съ огромнымъ синякомъ подъ глазомъ, ахнула и закуталась съ головой въ одѣяло. Долго сопѣлъ и копался Спиридонъ Петровичъ, стараясь высвободиться изъ непривычнаго костюма.

Никифоръ за угломъ догналъ Семена.

— Микишка, крикнулъ тотъ,—знаешь ли ты, жидъ те дери, кого мы дули то?

— Чортъ его знаетъ кого, дули да и все тутъ.

— Дуракъ, да вѣдь это самъ.

— Ну?... Станетъ самъ рядиться.

— Я тебѣ, ей-ей, право говорю,—самъ. Я съ его какъ только бороду-то сдернулъ, въ минуту узналъ его и бѣжать.

— Ладно, коли самъ, лаконически замѣтилъ Никифоръ.—Да вѣдь онъ не узналъ насъ, прибавилъ онъ.

— Гдѣ узнать! И чортъ его догадалъ туркой нарядиться. Однако я ему, братъ, такого Скобелева въ рыло вкатилъ—стрась!

— Да и я, братецъ, славнаго Гурку вдвинулъ ему.

— Теперь надо погодить домой-то идтить, не то узнаетъ - бѣда.

— Одно дѣло.

Пріятели, попутавшись еще съ часикъ, вернулись домой, когда тамъ все спало.

Когда на другой день Спиридонъ Петровичъ позвалъ въ кабинетъ Семена, чтобы отослать съ нимъ обратно костюмъ, большаго труда стоило прикащику удержаться отъ улыбки, видя разукрашенную его руками физіономію хозяина.

— Микишка, говорилъ онъ, придя съ узломъ въ молодцовскую,—я, братъ, угадалъ: мы самого отдули-то. Подъ глазомъ, братецъ, у него такая исторія сидитъ—стрась! Вотъ и одежа его турецкая.

Никифоръ молча улыбнулся.

Шапка-Невидимка.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ

По примѣру прежнихъ лѣтъ извѣстный москвичамъ по своимъ интереснымъ лекціямъ лекторъ графъ Сюзоръ и въ нынѣшнемъ году пріѣхалъ въ Москву и дастъ двѣ публичныя лекціи въ частной гимназіи г-на Креймана, на Петровкѣ, въ д. Самарина. Предметъ этихъ лекцій на этотъ разъ г. Сюзоръ избралъ не менѣе доступный и интересный для слушателей, а именно: „музыка и знаменитѣйшіе музыканты". Мы надѣемся, что занимательныя чтенія гр. Сюзора и на этотъ разъ доставятъ публикѣ удовольствіе. Чтенія назначены 6-го и 8-го января въ часъ дня. Цѣна за оба чтенія 5 р. с. Билеты продаются у Готье и Вольфа и у самого гр. Сюзора въ д. Генерала-Губернатора.

ВЪ МАНЕЖѢ.

— Ахъ, г. Шмуль, какъ это вы могли упасть?

— Неузели вы думаете, сто я могу висѣть на воздухѣ?

Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ

Передподписочная и самохвально-газетно-журнальная оперетка. Слова собственныя, музыка чужая.

Дѣйствіе происходитъ каждый годъ въ Ноябрѣ и Декабрѣ.

Дѣйствующіе: Редакторы и Издатели и
Редакторы-Издатели.

Корреспонденты, сотрудники, нововременцы-лихачевцы, голосовики, малопрессисты, сѣверники, Подхалимовы, буквы, цифры, волны, гаммы и пр.. газетные и журнальные Корифеи и Корифейки и Коръ-де-балетъ.

Сцена представляетъ пустое пространство, вдали ландшафтъ съ надписью: «*Vergiss mein nicht*» т. е. *подписка открыта.* Редакторы и Издатели съ газетами въ одной рукѣ и удочками въ другой, за ними прочія дѣйствующія. На лицахъ у всѣхъ знакъ выжидательный.

Хоръ редакторовъ и издателей (*каждый держитъ въ рукѣ по телефону, на мотивъ изъ Трубадура — хоръ кузнецовъ*).

Неси-ка, публика, ты денежки скорѣе,
Тогда у насъ дѣла пойдутъ

Листъ прибавимъ,
Позабавимъ
Фельетономъ васъ!
Руководящія мы вамъ дадимъ статейки;
Вы подавайте намъ лишь рублики, копейки.
Такъ хлопочите:
Рубли тащите
Для нашихъ кассъ!!

Хоръ сотрудниковъ, корреспондентовъ и проч. (*мотивъ М-те Анго: Клерета*).

У всѣхъ газетъ насъ стая
Сотрудниковъ лихихъ,
И мы, не уставая,
Работаемъ на нихъ!
Фельетоны и отчеты
Здѣсь мы всѣ строчимъ;
И гдѣ кражи, недочеты —
Тотчасъ обличимъ!
И крестьяне

Война большой прибавитъ
Для новостей процентъ,
И важно позабавитъ
Нашъ братъ корреспондентъ.
Про Дунай мы
И про займы—
Скажемъ много фразъ,
И про святки,
И про взятки
Сообщимъ какъ разъ!

Краевскій (*съ апломбомъ, на мотивъ изъ Елены: Кувыркомъ*).

Всѣ говорятъ, что вру ужасно,
Что будто выжилъ изъ ума.
Мнѣ ихъ глумленье не опасно,
Коль денегъ полная сума!
Я туркофилъ—тотъ разглашаетъ,
Другой—что я одинъ правдивъ,
А «Голосъ» денежки сбираетъ,
И я богаче, чѣмъ хедивъ.
Я вамъ клянусь: мнѣ никто не вредитъ
И «Голосъ» мой кувыркомъ не летитъ!!

Суворинъ (*довольно гордо, на мотивъ: Спрятался мѣсяцъ за тучки*).

Сбросьте вы «Голоса» бремя,
Вретъ онъ, что очень богатъ;
«Голоса» «Новое Время»
Лучше, ей-Богу, сто кратъ!
Всячины всякой по многу
Въ нашей газетѣ—не счесть!
Кромѣ того, слава Богу,
И объявленія есть!
Хроника есть, фельетоны,
Собственный корреспондентъ,
Есть и на разные тоны
Также у насъ рецензентъ!
Враки отъ насъ мы всѣ гонимъ
И не хотимъ мы ихъ знать,
И коль кого похоронимъ,
Тотъ ужь изволь умирать!
Очерки есть и картинки
Плавные и безъ скачковъ:
Можно читать безъ запинки
(Съ помощью только очковъ)!
Патріотизмомъ вся пышетъ
Нашей газеты печать
И какъ Буренин
Лучше не
Про Печ

Пишетъ извѣстный Мордовцевъ
Тоже частенько у насъ!
Словомъ, мы «Временемъ Новымъ»
Будемъ вамъ всѣмъ угождать:
Только бы намъ съ Лихачевымъ
Денежки за̀ годъ съ васъ взять!

Пуциковичъ (*довольно грустно и въ минорномъ тонѣ, держа у рта телефонъ, на мотивъ изъ Периколы: Однажды нѣкій графъ*).

Однажды К. В. М.
Со мною повстрѣчался
И личностью совсѣмъ
Моей очаровался:
— «Журналъ мы издадимъ
Въ усиліи единомъ,
Себя всѣмъ знать дадимъ,
Своимъ мы «Гражданиномъ!»
Ахъ, какъ удивится вся въ Питерѣ пресса!
Мы много, мой другъ, возбудимъ интересса.
Отлично мнѣ знакомъ
Весь міръ великосвѣтскій,
И въ стилѣ я такомъ
Пишу, братъ, молодецки!»
Но, ахъ! онъ уѣхалъ, не сплю я всѣ ночки,
Съ собою увезъ знаменитыя *точки*....

Изъ телефона раздается. Слушай!!! (*Пуциковичъ узнаетъ голосъ Мещерскаго и съ трепетомъ внимаетъ*).

Голосъ Кн. Мещерскаго (*на мотивъ: Карнавалъ*).

Въ воинственномъ экстазѣ,
Весь полонъ страшныхъ силъ,
Я былъ, братъ, на Кавказѣ,
Никто хоть не просилъ!
Въ Москвѣ, другъ златоглавой
Мнѣ пѣли мадригалъ!
Забывъ разсудокъ здравый,
Я ихъ же обругалъ!
Потомъ перемѣнился,
Увидѣвъ, что не правъ,
Сейчасъ же извинился
(Проклятый, братецъ, нравъ)!
Такіе люди рѣдки,
Какъ я, дружокъ, въ Москвѣ.
Читалъ ли ты замѣтки
Мои въ «Московскихъ» двѣ?
На твой призывъ къ вамъ въ Питеръ,
Я не останусь нѣмъ:
Ты закажи лишь литеръ
льше—К. В. М.

(Пуцикович отъ радости скачетъ, хочетъ что-то сказать въ телефонъ, но отъ напряженія голоса телефонъ лопается, и онъ, махнувъ рукою, уходитъ).

Полетика (*выбѣгаетъ съ барабаномъ и обходитъ сцену, приговаривая*). Эхъ вы, биржевики, врать очень ловки! Съ пылу съ жару, гривну за пару! Пожалуйте сюда, честные господа! Купите, останетесь довольны! Въ номерѣ для шутки пускаемъ по три утки! Кладите въ миску деньги на подписку! (*Становится въ позу, ударяя въ тактъ въ барабанъ; на мотивъ изъ маленькаго Фауста: маршъ*).

Я не боюся никакой дуэли!
Меня никто не устрашитъ!
Хоть предлагай ихъ двадцать на недѣлѣ
Полетика.... (*закашливается*) не поспѣшитъ!!

Нуте-ка, братцы, не глядя въ святцы, деньги мѣновыя давай на «Биржевыя!» Нашу газету знаютъ по всему свѣту! Даже въ Америкѣ хохочутъ до истерики! Вотъ какъ хороша! (*убѣгаетъ*).

Трубниковъ. Съ новымъ годомъ господа! съ новымъ счастьемъ! (*Декламируетъ*):

«Опять увидѣть васъ мнѣ суждено судьбой»!

(*Говоркомъ*). Ничего не слыхали про «Телеграфъ»? А? Ничего? Странно! очень странно!! (*на мотивъ куплета Шиши*).

На газету коль желаетъ
Подписаться даже графъ,
Онъ, ей-Богу, избираетъ
Мой новѣйшій «Телеграфъ»!
Правды много въ этой фразѣ,
Я ей-Богу вамъ не лгу,
И записку въ этомъ разѣ
Даже написать могу!
Биржевыя воспитались
У меня же подъ рукой;
Какъ Полетикѣ достались
Сталъ ихъ тонъ ужь не такой!
Я вездѣ сную какъ сыщикъ
И какъ старый воробей,
Коль является подписчикъ,
Цапъ его къ себѣ скорѣй!! (*Скрывается*).

Гиляровъ-Платоновъ (*на мотивъ романса: Усачъ*).

Не стыдясь, предъ цѣлымъ свѣтомъ,
Громко всѣмъ я здѣсь скажу:
Носъ утру я всѣмъ газетамъ,
И всѣхъ лучше услужу!
Про концерты, про театры
Напишу я, не солгу;
Глубоко, какъ психіатры,
Я статьи писать могу.
Вѣдь извѣстный органъ мой
Напугалъ Москву чумой.

Скворцовъ (*размахивая простынею изъ одного л[illegible] «Русскихъ Вѣдомостей»*).

Поскорѣй, ко мнѣ спѣшите,
Только денежки несите!
Посмотрите: у меня
Не газета—простыня!
Не пишу въ ней ни строки я,—
Пишутъ за меня другіе;
Если гдѣ что и соврутъ,
Такъ ужь я невиненъ тутъ.

(*Изъ телефона раздается:* «Шшъ! Не надо!» *умолкаетъ и скрывается*).

Хоръ редакторовъ иллюстрированныхъ журналовъ и га[illegible]

— «Ай да «Нива»! ай да я!
Абонентовъ у меня
Безъ десятка сорокъ тысячъ!»
— «Вотъ кого бы надо высѣчь,
Что такой городитъ вздоръ.
Вотъ, возьмите «Кругозоръ»,
Посмотрите объявленье:
Не журналъ, а заглядѣнье!»
— «Нѣтъ, возьмите «Модный Свѣтъ»:
Лучше въ цѣломъ мірѣ нѣтъ!»
— «Вотъ зе «Моды, Рукодѣлья»—
Луцсе нэтъ ихъ отъ бездѣлья,
И не будетъ никогда!
Подписитесь, гашпада!»
— «Подпишитесь-ка на «Вазу»:
Вамъ шесть премій будетъ сразу».
— «Порадѣйте-ка труду:
Подпишитесь на «Звѣзду»!
— «Эй! «Всемірную» берите,—
Только денежки внесите!»
— «Коль хотите не скучать,
«Стрекозу» вамъ лучше взять:
Въ ней участвуютъ артисты—
Не далеки, но рѣчисты».
[illegible]тъ «Будильникъ», господа!
[illegible]товъ служить всегда;
[illegible] не украшенъ,
[illegible] раскрашенъ!»
— «Въ [illegible]ку нѣтъ!
Кто же въ [illegible]?
Вотъ за то моя [illegible]
Всѣхъ солиднѣе газе[illegible]

Мелкопрессисты. Хоть и мелкая мы пресса,
Но въ насъ больше интереса!

Изъ телефона раздается угрюмый, какъ бы подземный голосъ:

Пришла теперь пора
И намъ свое сказати:
Мошенники пера,
Разбойники печати...

(*Голосъ обрывается и телефонъ только шипитъ*).

(*Всѣ въ большомъ волненіи скрежещутъ зубами и потрясаютъ газетными листами и удочками. Вдали показывается подписчикъ, всѣ взоры устремлены на него. Онъ выходитъ на сцену и только успѣваетъ сказать:*

— Мнѣ бы на полгодика...

всѣ на него бросаются и разрываютъ въ клочки. Въ оркестрѣ адскій вальсъ изъ Роберта. При звукахъ его всѣ пляшутъ вокругъ останковъ подписчика, испуская страшные вопли и потрясая газетами и телефонами. Бенгальскій огонь, желѣзный листъ, свистки, ливень и проч. ужасная ерунда. На сцену летятъ изъ тучъ шрифты, рамки, украшенія, вальцовки и другія типографскія принадлежности; изъ земли выходятъ, при страшномъ громѣ, огненныя цифры:

1878.

Всѣ падаютъ ницъ и занавѣсъ тоже падаетъ.

А. Досужій.

Новый годъ. — Маленькая пресса. — Почтовый ящикъ. — Умная голова.—Славянскій Базаръ.—Ожидаемый пріѣздъ г-на Сѣтова.— Балъ отъ Кружка

Очень естественно, читатель, если ты, принимаясь за мой фельетонъ, задашь вопросъ: что-то молъ новенькаго? И очень естественно, если вмѣсто новинки на первый случай встрѣтишь старую фразу: съ новымъ годомъ!

Новинокъ нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ,
Все повторенья тамъ и тутъ,
И въ наше время даже дѣти
Отъ жизни новостей не ждутъ.
Міръ такъ же плачетъ и смѣется,
Тропою старой все идетъ,

Достопочтенный Джонъ-Буль приготовляется скушать очень лакомое блюдо.

И какъ-то странно раздается
Обычный возгласъ: *новый* годъ!

Да и странно было бы ожидать какихъ либо новостей, все уже давно вылилось въ извѣстную форму, установилось, получило право гражданства и освящено обычаемъ.

Обычно банкократъ дерзаетъ
Надѣть на вкладчика суму,
Кассиръ обычно залѣзаетъ
Въ сундукъ, повѣренный ему.
Обычно нашъ закладчикъ тянетъ
Съ кліентовъ шкуру безъ стыда,

Сидящій. Такъ какъ же это? Ты за каждую оплеуху бралъ по пяти рублей?

Стоящій. Ну нѣтъ, не всегда: если давали нѣсколько за разъ, такъ бралъ и дешевле.

Мужъ. Э, да у тебя гость?...

Жена. Ты спалъ, а Ивану Ивановичу хотѣлось съ тобой сегодня повидаться; ну, я и должна была попросить его подождать у меня...

Обычно мужъ жену обманетъ
И самъ обманется всегда.

Въ рѣчахъ обычно адвокаты
Въ карманъ за словомъ не пойдутъ,
И такъ обычно въ часъ расплаты
Дорогу къ вамъ въ карманъ найдутъ.

Обычно жаромъ гордымъ пышетъ
Въ рекламѣ громкой журналистъ,
Обычно съ годъ мыслéте пишетъ,
Пустивъ безъ «мы́слете» свой листъ.

Маленькая пресса, какъ извѣстно, имѣетъ свою двоякую миссію:—съ одной стороны подхватывать самыя обыденныя, самыя мелкія явленія общественной жизни, чтобъ, такъ сказать, пережевывать ихъ, мозолить ими глаза, если они того заслуживаютъ; щипать неудачнаго общественнаго дѣятеля до тѣхъ поръ, пока онъ съ кряхтѣньемъ не слѣзетъ съ удобно занятаго имъ теплаго мѣстечка; надѣть дурацкій колпакъ на того, кто его заслуживаетъ и съ гиканьемъ и хохотомъ преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока клоунъ общественной жизни не перемѣнитъ амплуа или не сойдетъ со сцены; указать пушокъ на рыльцѣ у того, у кого онъ есть и, уперевъ ему въ физіономію указательнымъ перстомъ, до тѣхъ поръ указывать на него, пока субъектъ не поморщится и не спрячетъ своей физіономіи. За это маленькую прессу называютъ скандальною.

Мужикъ, наполнивъ возъ навозомъ,
Чтобъ со двора его свезти,
Прибѣгъ къ ругательствамъ, къ угрозамъ,
Съ телегой ссорясь на пути:
— «Вѣдь эка дура мнѣ досталась!
Мужикъ ругался какъ шальной,—
Возъ серебра не догадалась
Привезть изъ ямы выгребной».
Такъ ѣхалъ, безъ толку ругаясь.
Мужикъ нашъ, сѣтуя со зла;
Ну, а телега, подвигаясь,
Навозъ везла себѣ, везла

Извините за отступленіе.
И такъ маленькую пре
Откуда сіе? Общество
пресса—музыканты
мейстеръ взмахну
налъ, заскрип

заткнувъ себѣ уши, кричитъ, что музыка ничего не стоитъ и винитъ музыкантовъ.

Съ другой стороны маленькую прессу укоряютъ за то, что она маленькая, совершенно забывая, что она служитъ звеномъ между большими писателями и массой. Маленькую прессу въ этомъ случаѣ можно назвать размѣнной кассой и она тутъ необходима. Согласитесь, господа, что пригласить въ маленькій листокъ такого господина, какъ напримѣръ Щедринъ, такъ же возможно, какъ бѣдняку содержать диву.

Далѣе.

Препотѣшно видѣть, какъ нѣкоторые органы мелкой прессы дуются, крича о своемъ «направленіи», точь въ точь какъ маленькая дѣвочка, надѣвшая платье матери и восхищающаяся шумящимъ за ней шлейфомъ. Это отыскиваніе «направленія» потѣшно: читаешь новогоднюю рекламу, вотъ, думаешь, журналъ такъ журналъ. Получишь нѣсколько нумеровъ, лазишь, лазишь по страницамъ и ничего не найдешь, кромѣ *«Почтоваго ящика»*. Не знаю, какъ кому, а мнѣ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ лучше всѣхъ отдѣловъ нравятся эти почтовые ящики. Попавъ въ почтовый ящикъ, я понялъ настоящее «направленіе»—въ сатирическомъ листкѣ заставить васъ отъ души улыбнуться надъ тѣмъ, что признано негоднымъ самою редакціею.

Признаюсь, думается, нѣтъ ли особыхъ сотрудниковъ, мозголомствующихъ надъ этими отвѣтами редакцій?... Я съ своей стороны, имѣя нѣсколько свободнаго времени, предлагаю нѣкоторымъ редакціямъ свои услуги для составленія почтоваго ящика къ каждому нумеру. Для обращика прилагаю составленные мною отвѣты.

Напримѣръ:

Въ СЫЗРАНЬ. Г-ну Кукуреку. Стихотвореніе свое вы назвали „**Несчастный бракъ**“ и начинаете его такъ:

Невѣста юная прелестна
Была предъ алтаремъ
И разнилась неумѣстно
Съ одряхлѣвшимъ женихомъ...

Соглашаемся, что такого разбора стихи заслуживаютъ названія **несчастнаго брака**.

Въ ЧЕБОКСАРЫ. Патріоту. Вы пишете:

На полѣ брани стучитъ барабанъ
И турка дикій басурманъ
Отъ русскаго штыка бѣжитъ
И пронизанный лежитъ.

Патріотизмъ вещь похвальная, но не въ такомъ видѣ.

Въ СТАРУЮ РУСУ. Ст—ву. Пародію на Онѣгина Пушкина Вы начинаете такъ:

Деревня, гдѣ скучалъ нашъ Паша,
Была прелестный уголокъ,
Туда-то милую Наташу
Нашъ Донъ-Жуанъ и уволокъ

Если вамъ „пятнадцать только лѣтъ ..“, такъ вспомните другое стихотвореніе великаго поэта.

Если редакціямъ угодно, то заказы принимаются гуртомъ и въ розницу.

Какія, господа, есть умныя головы на бѣломъ свѣтѣ! Вотъ, напримѣръ, не очень давно былъ случай у насъ въ бѣлокаменной. На колокольнѣ одной церкви начали звонить, вдругъ къ священнику является посланный отъ богатаго прихожанина.

— Что надо?

— Баринъ проситъ васъ, батюшка, приказать прекратить звонъ.

— Какъ это?

— У барыни нервы очень разстроены.

Понятно, священникъ отказалъ, освѣдомившись, въ порядкѣ ли голова у супруга нервной барыни.

Мѣшаетъ звонъ его супругѣ
И черезъ посланнаго онъ
Рѣшилъ просить одной услуги—
Остановить церковный звонъ.

Разговорясь объ этомъ съ другомъ,
Не разсмѣялся я едва,
Но, чтя богатство по заслугамъ,
Сказалъ лишь только: голова!...

Святки, зашумѣла и загудѣла Москва бѣлокаменная, хлынула публика въ клубы и театры, ринулась въ загородные рестораны. Изъ мѣстъ «зрѣлищъ и увеселеній» преуспѣваютъ театръ Буффъ, клубъ прикащиковъ и Славянскій Базаръ, открывшійся 26-го декабря. Въ клубѣ прикащиковъ привлекаютъ публику г-жи Куглеръ, Соколова и Струйская и гг. Разсказовъ и Соколовъ. Въ Базарѣ лучшими нумерами были г. Бауэръ на цитрѣ, его «Ура», куплеты г-на Соколова и пѣніе г-жи Куглеръ-Соколовой. Г. Соколовъ, какъ куплетистъ, заслуживаетъ вниманія: такая типичная передача и характерная мимика—рѣдкостны. Г. Бауэръ какъ цитристъ—слишкомъ извѣстенъ и говорить о немъ много не приходится. Пѣніе г-жи Куглеръ-Соколовой прелестно, исполненный ею вальсъ Венцано вызвалъ оглушительныя рукоплесканія и публика потребовала повторенія. Вообще такого шума, гама, апплодисментовъ и криковъ «браво», какіе вызваны были гг. Бауэромъ и Соколовымъ и г-жею Куглеръ, я не запомню въ залѣ Базара. Очень не дурны также гг. Русановъ и Простаковъ. Акомпаниментъ г-на Э. Вивьена извѣстенъ, и публика давно убѣдилась, что лучшаго акомпанимента желать невозможно. Г. Бауэръ, какъ слышно, пригласилъ на свои вечера г-на Богатырева и отлично сдѣлалъ.

Если вѣрить слуху, то въ скоромъ времени въ Москву пріѣдетъ изъ Кіева г. Сѣтовъ съ русской оперной труппой; эта вѣсть радостная: русская опера въ бѣлокаменной Москвѣ—штука рѣдкостная.

Артистическій Кружокъ, насчитывающій въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ зубныхъ врачей, учителей и прочихъ «артистовъ», не отстаетъ отъ другихъ и гдѣ въ припрыжку, гдѣ перелѣзая черезъ баррикады безденежья, тянется за другими. 28 го декабря отъ Кружка былъ балъ, въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ по которому видна заботливость кружковскихъ старшинъ. Такъ, напримѣръ, дамы съ членами платили только половину. Какъ великъ былъ сборъ и вообще объ этомъ балѣ въ слѣдующемъ фельетонѣ.

ВЪ АЛЬБОМЪ ОДНОМУ ИЗЪ ХЛЫЩЕЙ

(ПОДРАЖАНІЕ НЕКРАСОВУ).

Что такъ жадно глядишь на невѣсту?
Одинокому скучно знать жить,
И къ больному, гніющему мѣсту
Хочешь пластырь скорѣй приложить.

Нашатавшись по Малой Покровкѣ
И Ильинку прошедши въ конецъ,
По лакейски-отважной сноровкѣ
Ты леталъ и въ село Городецъ.

Но нигдѣ не встрѣчалъ ты привѣта:
То долги роковые жидамъ,
То безнравственной жизни примѣта—
Всюду гнали тебя по пятамъ.

Но съ нахальною вѣрой невѣжды
Въ достиженіе цѣлей своихъ,
Никогда не терялъ ты надежды
На стяжаніе денегъ чужихъ.

Ты сошелся теперь со вдовицей
(У нея былъ стяжательный мужъ)
И получишь, быть можетъ, сторицей
Изъ руки ея денежный кушъ.

И воспрянешь ты съ видомъ надменнымъ,
Сторонясь отъ честныхъ людей,
Будешь жить въ тунеядствѣ отмѣнномъ,
Не боясь порицанья судей.

Да и что тебѣ судьи, коль совѣсть
Воспиталъ ты въ началахъ такихъ,
Что любая скандальная повѣсть
Не грязнѣй похожденій твоихъ!

Не гляди же съ тоской на невѣсту,
Нетерпѣнье старайся смирить:
Скоро, скоро къ больному ты мѣсту
Можешь пластырь вдовы налѣпить.

Ниж. Новгородъ.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКІЙ ПЕРЕЧЕНЬ МОСКВЫ

съ 25-го декабря 1877 г. по 1-е января 1878 г.

Поднято пьяныхъ тѣлъ 18012 человѣкъ.
Поднято мертвыхъ тѣлъ 10 человѣкъ.
Угнано лошадей 27.
Разнесено поздравительныхъ карточекъ 100,002.
Разнесено физіономій 1002.
Задавлено рысаками 17 человѣкъ.
Распустилось новыхъ камелій 512.
Опустѣло кармановъ 200,005.
Сдѣлано визитовъ въ кабаки 4,000,008.
Сдѣлано визитовъ въ трактиры 2,000,000.
Сдѣлано визитовъ въ распивочныя 1,000,000.
Объѣлось 100,000 человѣкъ.
Изувѣчено на кулачныхъ бояхъ 10,040 человѣкъ.
Сдѣлано визитовъ по должности швейцарамъ 100,001.
Израсходовано на разныя безобразія 300,000 рублей.
Израсходовано на благотворенія 10,000 рублей.
Украдено часовъ и портмоне 4002.
Кулакъ сдѣлалъ визитовъ въ физіономіи 60,000.
Роздано нищимъ 200,000 рублей.
Истрачено на дѣло 0.
Дракъ было 15,000.
Выбито зубовъ 3000.
Рамъ—800,
Разбито зеркалъ 300.
Устроено елокъ 20,000.
Роздано праздничныхъ съ 10,000 тысячъ до гривенника включительно—150,000.
Поставлено самоваровъ 20,000,000.
Напилось до пьяна лакеевъ 8000.
Кухарокъ—13,000.
Горничныхъ—14,000.
Дворниковъ—15,000.
Поваровъ—2000.
Кучеровъ—6000.
Выпито очищеннаго 1,000,000 в[illegible]
Пива выпито 2,000,000 бутылокъ.
Зельтерской воды—500,000 бутылокъ.
Обмануто отцовъ сыновьями 30,000.
Прислугой хозяекъ 40,000.
Прикащиками хозяевъ 10,000.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

КАЛУГА. Х. У. Z. Ваши эпиграммы не достаточно пикантны.

ШУША. [illegible] Кя[illegible]жунцову. Журналъ высылается Вамъ съ № 1-го нын[illegible]

ЧИСТОПОЛ[illegible] [illegible]чумову. Присланные Вами 2 руб. сданы въ редакцію И[illegible] [illegible]лендаря Гатцука.

ТУЛА. Г-ну [illegible] АЛЕКСАНДРОПОЛЬ въ складъ Ситова, БУХАРА, [illegible]ну, КОТЕЛЬНИЧЪ г-ну Шляпкину. Вы прислали 1 ру[illegible] какъ съ нимъ поступить?

ВЯЗОВСКАЯ Поч. стан. Волостное правленіе. Вы прислали вмѣсто 5 руб. только 4. Потрудитесь дослать остальное.

КОЗЬЕ БОЛОТО. Гр—на—ву. Редакція не можетъ воспользоваться присланнымъ вами стихотвореніемъ.

МОХОВАЯ, д. Скворцова № 61. Ваши три письма неудобны для печати.

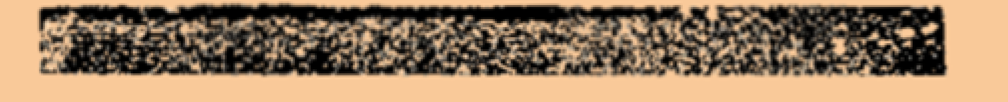
Автору Дневника Кап. Копейкина. Не можемъ напечатать.

БЕНДЕРЫ. Г-ну Соб—му. Ваша статья съ рисунками напечатана не будетъ.

Т. Т. „Провинціальныя картинки" не могутъ быть напечатаны.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

Дозволено цен[...] [...]ква, 4-го Января 1878 года

Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера. (Яуз ч. 1 кв. № 82).